Текст · 10 марта 2021, 07:54
Юлия Сугуева,

Полицейский разворот. В Махачкале экс-сотрудник МВД добивался наказания для обидчика, но сам попал на скамью подсудимых

Шум во дворе

В милицию Шамиль Сулайбанов пришел в 30 лет, в 2005 году. Он служил в патрульно-постовой службе МВД. Вечером 17 августа 2009 года на улице Энгельса в Махачкале перед милицейским УАЗом, в котором ехал Сулайбанов и трое его коллег, взорвалась бомба.

«Сила взрыва была такова, что в радиусе нескольких сот метров в домах близлежащего микрорайона от взрывной волны задрожали стекла», — писал «Кавказский узел».

«Командир взвода умер, мы трое выжили, — вспоминает бывший милиционер. — В те годы же постоянно убивали, взрывали, расстреливали [силовиков]. Три года [лечился], я хотел остаться дальше служить — осколки вытаскивали, один так и остался. Руку левую не смогли нормально собрать, руку мне разорвало».

Сулайбанов получил травму головы, осколочное ранение «поясничной области, проникающее в брюшную полость с повреждением почки», кроме того, осколками ему посекло все туловище, руки и ноги, а на левой руке были сломаны пальцы и порваны сухожилия.

Пострадавшему провели несколько операций, удалили правую почку. В итоге, согласно заключению врачей, он на 90% утратил трудоспособность и получил инвалидность II группы.

До 2012 года, пока Сулайбанов проходил лечение, он числился на службе в МВД, так что в отставку милиционер ушел уже сержантом полиции[1].

В 2013 году он переехал в дом 7 по улице Энгельса — его сестры купили там квартиру и предложили Шамилю с семьей временно пожить у них.

«Пока мне жилье дадут. На [съемной] квартире чтобы не жил — много денег уходит, у меня двое детей, работать из-за инвалидности не могу, — объясняет Сулайбанов. — Так и не дали, и ничего не дают здесь, есть же[2]. Все они себе, как инвалид — никому не нужен становишься!».

Но едва освоившись в квартире сестер, новосел обнаружил, что прямо во дворе дома — в здании старой котельной — располагается сварочный цех, работы в котором, по словам Сулайбанова, не прекращались иногда сутками.

Мужчина вспоминает, что когда он поселился в доме, соседи уже вовсю конфликтовали с хозяином цеха Магомедом Омаровым; сам предприниматель «даже не живет в их районе» и не слышит шума.

«Он мешает, [цех находится] в 25 метрах от дома и целыми днями — граааа, граааа, — рассказывает Сулайбанов. — Раньше он и ночью делал даже. До

садика там вообще пять метров. И жильцы говорят: "Бесполезно что-то делаешь — работники приходят, наоборот, пугают нас". Я удивился: "Как это пугают?", я даже не поверил. Когда начал писать, на самом деле, ко мне уже начали участковые приходить. Что, говорят, никому не мешает, тебе мешает. Я говорю: "Идемте во двор, спросим у людей". Спрашивают, они говорят, что мешает. И вот так слово за словами [с полицейскими]. Они говорят: "Ты инвалид, живи, да, пенсию кушай, тебе зачем это". Я говорю: "Эй, я буду жить, вы, что ли, мне жизнь продлили, есть же. Этот беспредел заканчивайте, я понимаю, что вы крышуете, деньги берете там, но это не место, тут люди живут". И после этого понеслась».

Удостоверения Шамиля Сулайбанова. Фото: из личного архива

Сулайбанов обращался в администрацию Махачкалы, пытаясь выяснить, не захватил ли Омаров котельную незаконно. Ему ответили, что участком «под здание творческой мастерской сварочных работ площадью 150 квадратных метров» бизнесмен владеет легально, а все «спорные моменты» предложили урегулировать в суде.

14 сентября 2017 года конфликт между бывшим полицейским и хозяином цеха дошел до стадии поножовщины.

Шамиль Сулайбанов вспоминает этот день так: он спустился во двор, чтобы встретить двоюродного племянника, который привез ему свой телефон — попользоваться, пока Сулайбанов не купит себе новый взамен испорченного. В это время во двор приехал Омаров со своим сыном. Владелец цеха начал фотографировать Шамиля и машину его родственника.

«Я говорю: "Эй, ты чо делаешь, чо ты хочешь?". Он говорит: "Ты мне уже надоел, я тебя убью, есть же". Я говорю: "Ну вот же я, убей тогда, если сможешь"», — пересказывает разговор Сулайбанов.

По его словам, дальше события развивались так: Омаров налетел на него, Сулайбанов оттолкнул оппонента, тот схватил его за пояс, Сулайбанов толкнул его снова, и тогда хозяин цеха выхватил нож и ударил полицейского-ветерана в грудь.

«А мне до этого молодой участковый — был один такой порядочный парнишка — сказал: "Смотри аккуратно, по-моему, он тебя убить хочет". Но если бы работники [МВД] ему добро не дали бы, он бы такое не сделал бы», — уверяет Сулайбанов.

Магомед Омаров, согласно материалам дела[3],

запомнил конфликт иначе. По его словам, подъехав к своей мастерской, он увидел Сулайбанова, с которым у него «сложились неприязненные отношения». Сулайбанов, утверждал бизнесмен, стоял возле «Приоры», водитель которой передавал ему что-то похожее на спичечный коробок; Омаров решил сфотографировать эту сцену, потому что «у него

это вызвало подозрение». Сулайбанов спросил: «Что смотришь?»; Омаров, по его словам, отвечать не стал и пошел к своему цеху, но экс-полицейский якобы преградил ему путь, дернул за футболку, а потом начал избивать — наносить удары по затылку и туловищу. Сын Омарова хотел броситься к нему на помощь, но Сулайбанов крикнул водителю «Приоры», чтобы тот его задержал.

«Поскольку сын перенес черепно-мозговую травму, он пытался отбиться от подсудимого, чтобы защитить сына от возможных побоев незнакомца, однако от ударов Сулайбанова по затылку он начал терять сознание. После этого он достал складной нож, который был у него в барсетке, с целью напугать подсудимого, чтобы он отпустил его и перестал избивать, махнул один раз в его сторону, — пересказывал следователь показания владельца цеха. — Поскольку Сулайбанов натянул футболку ему на голову, он ничего не видел и случайно сам наткнулся на его нож».

После случившегося Сулайбанова доставили в больницу. В заключении медэкспертизы говорится, что его ранили в грудь слева, повредив легкое. Нанесенный ему вред медики квалифицировали как тяжкий.

Омарова задержали почти сразу после драки и доставили в ИВС. Следователи из УМВД Махачкалы возбудили против него дело об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью с применением оружия (пункт «з» части 2 статьи 111 УК), суд избрал бизнесмену меру пресечения в виде домашнего

ареста, а через полгода его перевели под подписку о невыезде.

Едва выйдя из ИВС, говорит Сулайбанов, его оппонент сам обратился к судебно-медицинскому эксперту, который «на основании справок врачей» установил, что Омарову тоже нанесли побои: у хозяина цеха зафиксировали сотрясение мозга, ушиб и кровоподтеки на груди. В ноябре Омаров обратился в мировой суд Советского района Махачкалы с просьбой привлечь Сулайбаева к уголовной ответственности за причинение легкого вреда здоровью (часть 1 статьи 115 УК).

«В суде мы с ИВС запрашивали материалы. Там же его осматривали, там не нашли у него никаких побоев. Потом он какие-то справки [предоставил], где он их купил, это все куплено», — кипятится Сулайбанов.

На заседание 19 декабря 2017 года экс-полицейского, по его словам, доставили принудительно — он проходил плановое лечение в госпитале ветеранов. Оказавшись в суде, Сулайбанов потребовал вызвать эксперта, который выдал Омарову заключение о побоях.

Тогда суд отложили на два дня, но и 21 декабря эксперт не пришел — «мировая судья сказала, что он болеет», и Сулайбанова признали виновным.

В качестве доказательств судья ссылалась на заключение медиков о травмах, нанесенных Омарову, показания «непосредственного свидетеля инцидента» — сына Омарова, который подтвердил, что Сулайбанов бил его отца, и сделанную им же

фотографию. На ней «видно, что мужчина, стоящий спиной (Сулайбанов Ш.А.), держит за голову другого мужчину (Омарова М.К.)».

К показаниям соседки Сулайбанова, рассказавшей, что она видела в окно, как Омаров теснил своего оппонента, а тот его отталкивал и отступал назад, суд отнесся критически, так как она не была непосредственным свидетелем; к тому же женщина признала, что с потерпевшим у нее «сложились неприязненные отношения», поскольку шум его цеха мешает местным жителям.

Не вызвали доверия у судьи и показания племянника Сулайбанова — Рустама Рабаданова, сказавшего, что он «не видел, кто кого первым зацепил во время инцидента». Суд счел, что свидетель не мог это не видеть, «поскольку он находился в непосредственной близости от них и по указанию дяди не давал сыну Омарова М.К. подойти к ним близко», а такие показания дал, чтобы помочь своему дяде избежать уголовной ответственности.

При этом судья указал, что у него «нет оснований не доверять» показаниям работников и друзей Омарова, который называли Сулайбанова «неуравновешенным» и рассказали, что тот постоянно провоцировал хозяина цеха на конфликты. Суд счел, что эти свидетели «являются лицами, не заинтересованными в исходе дела».

Сулайбанову назначили штраф 20 000 рублей.

«Я обжаловал в Советском суде, там вообще без меня рассмотрели и оставили в силе», — говорит экс-полицейский.

Позже Верховный суд республики не нашел оснований «для передачи дела на рассмотрение суда кассационной инстанции».

«Он меня ножом ударил, это не преступление что ли?»

Дело о нападении на самого Сулайбанова расследовали два года.

«Они его постоянно затягивали, я даже не знал, где оно находится. В сейфе то прокурор его у себя держал, то начальник райотдела. Короче, уже я начал возмущаться: "Эй, где материал, вы что в суд не направляете?"» — говорит экс-полицейский.

Через год после того, как мировой суд вынес приговор Сулайбанову — 25 декабря 2018-го — следователь МВД прекратил дело против владельца цеха Магомеда Омарова.

В постановлении следователь ссылался на приговор мирового суда и указывал, что, поскольку у Омарова зафиксировали побои, то его действия можно было бы квалифицировать как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (часть 1 статьи 114 УК), однако такого умысла у владельца цеха «предварительными следствием не установлено».

«Якобы в его действиях нет состава преступления, — жалуется Сулайбанов. — Я говорю: "Как это нет, а что он меня ножом ударил, это не преступление, что ли?". Но, говорят, мировая судья признала, что ты виноват. Короче, я уже в Москву написал, тогда еще Чайка был прокурор. И тогда уже оттуда конкретно, видимо, втык дали. Один прокурор был, Абиев, его вроде уволили, первый заместитель был Алиев Камиль, его в Леваши[4] перекинули прокурором. И они отменили это постановление следователя».

В Советский районный суд Махачкалы дело поступило в конце мая 2019 года, а приговор Магомеду Омарову вынесли только 11 августа 2020 года. Его признали виновным в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью с применением оружия (пункт «з» части 2 статьи 111 УК) и приговорили к двум годам в колонии общего режима.

Согласно приговору, два дня, проведенные под стражей в сентябре 2017 года, ему засчитали из расчета день за полтора в колонии, а полгода под домашним арестом — из расчета два дня дома за один в колонии.

Суд постановил, что Омаров должен быть взят его под стражу по вступлении приговора в законную силу.

Приговор обжаловали обе стороны, но заседание несколько раз откладывалось. Наконец, 16 февраля этого года Верховный суд Дагестана рассмотрел апелляционные жалобы сторон. Приговор Омарову оставили в силе, однако, по словам экс-полицейского, теперь время, проведенное владельцем цеха под

домашним арестом, решили пересчитать из расчета день за день.

Сулайбанов утверждает, что его обидчик до сих пор на свободе. Почему его не взяли под стражу, он не понимает.

Дело о двух пистолетах

В июле 2020 года Шамиль Сулайбанов стал фигурантом дела о хранении оружия. Он считает это местью за жалобы на дагестанскую полицию, прокуратуру и суд, которые он отправлял в Москву.

«Я еще видеоролик выпустил, начал всех их фамилии озвучивать: судей, прокуроров. Я говорю: "Эй, я не могу, у меня здоровья нету, я нервничаю постоянно, вот этих людей нельзя оставлять, есть же, чтобы они работали"», — пересказывает Сулайбанов свое видеобращение, выложенное на ютуб 28 июня 2020 года. В нем мужчина очень эмоционально описывает все злоключения, последовавшие после конфликта с владельцем сварочного цеха.

Embed Wrapper Not Realised
Embed Wrapper Not Realised
Embed Comment Not Realised

Через две недели, 11 июля, к нему пришли с обыском.

«В шесть утра ворвались, сразу на меня наручники одели, скрутили, зашли внаглую к жене. Это уголовный розыск совместно с группой захвата были, автоматчики. Они русские были, не наши, по-моему, Росгвардия. Они мне говорили, что это якобы ФСБ, но это не были ФСБ», — вспоминает Сулайбанов.

Детей и жену экс-полицейского, по его словам, загнали в одну комнату, а его отвели в другую и усадили на диван. По сторонам встали люди с автоматами. Сулайбанов крикнул супруге, чтобы она следила за силовиками.

«Я говорю: "Эй, если обыск делаете, проблем нету, соседей позовем, моего адвоката вызовите, есть же, и обыскивайте". Они говорят: "У нас понятые есть, с собой возим". Я говорю: "Это кто? Это же работники, какие понятые — шесть утра, вы где их взяли? Я когда работал, среди белого дня понятым никто не шел. Вы кому эту лапшу вешаете?". Я говорю: "Эй, вы сюда пришли мне подкинуть, не надо мне подкидывать, есть же". Короче, они все равно пистолет какой-то самодельный подкинули», — рассказывает Сулайбанов.

Действительно, в ходе обыска у него изъяли разобранный револьвер и патроны. Проведенная впоследствии баллистическая экспертиза показала, что найденные, согласно обвинению, у Сулайбанова «рамка со стволом и рукояткой, барабан и ось барабана» являются частями самодельного револьвера, изготовленного «по типу короткоствольных револьверов под патрон калибра 5,6 мм». К стрельбе он, как показала экспертиза, непригоден, а боеприпасы оказались исправными спортивно-охотничьими патронами калибра 5,6 мм.

После обыска бывшего полицейского задержали. По его словам, по дороге в отдел ему на глаза натянули пакет и обмотали скотчем, требуя признаться, что он продавал оружие вместе со своим

племянником, служившим когда-то в ОМОНе — тем самым Рустамом Рабадановым, который оказался свидетелем его драки с хозяином цеха.

«Носом я мог дышать, но у меня же давление, я чуть не умер там. Я говорю: "Эй, этот пакет снимите с меня". — "Ты, говорят, по-хорошему признайся, мы сейчас тебя бить будем, подвешивать будем". Я говорю: "Эй, если можете, сразу застрелите. Я так ничего не буду подписывать, я никаких делов не знаю, человека приведите, кто у меня купил, тогда я подпишу". Они говорят, что племянник продавал, я говорю, что ему 43 года, если он продавал, пусть за свои действия он отвечает», — вспоминает Сулайбанов.

Три дня он провел в ИВС, потом суд отправил его под домашний арест на два месяца, после этого меру пресечения ему сменили на подписку о невыезде.

Сулайбанов утверждает, что сначала силовики грозили возбудить против него дело по статье о сбыте оружия в составе группы (часть 2 статьи 222 УК), но в итоге ему предъявили менее тяжелые обвинения по двум эпизодам незаконного хранения оружия (часть 1 статьи 222 УК). Дело возбудил второй отдел по расследованию особо важных дел следственного управления СК по Дагестану.

Первый эпизод в нем касается револьвера, изъятого при обыске, а второй — пистолета «ТТ» и 12 патронов калибра 7,62 мм, которые Сулайбанов, как утверждает следствие, в мае 2019 года в течение примерно суток хранил у себя по просьбе племянника.

По словам экс-полицейского, во время первых допросов родственник вообще не упоминал его имя, но вскоре изменил показания и подтвердил, что Сулайбанов действительно хранил пистолет; так же повел себя и еще один обвиняемый по делу — омоновец Низами Гаджикурбанов.

«В оконцовке их двоих закрыли, меня выпустили под домашний, — рассказывает Сулайбанов. — Через полтора месяца [племянник] дает на меня показания. Они ему говорят: "Есть же, Шамиля по-любому не посадят как инвалида, ветерана, мол, условный дадут, скажи, что пистолет ты к нему на хранение относил, и уговори его, чтобы он подтвердил. Мы тебя под домашний выпустим". Теперь младший брат его приходит и говорит, что вот так сказали. Я говорю: "Я ничего подтверждать не буду, потому что это неправда. Они знаешь для чего это делают?". Он говорит: "Знаю, они сказали, что ты не оставишь то, что тебе пистолет подкинули". Я говорю: "Конечно, не оставлю. Они это делают, чтобы этот пистолет списать. Я вот за это буду судиться до конца своих дней"», — пересказывает Сулайбанов разговор с племянником.

Согласно показаниям, которые Рустам Рабаданов давал в августе и октябре 2020 года, весной 2019-го он попросил своего знакомого Низами Гаджикурбанова помочь продать пистолет, который он когда-то у того же Гаджикурбанова купил. Вскоре тот сказал, что нашел покупателя[5], и предложил встретиться с ним на следующий день, 15 мая, в Махачкале. Рабаданов согласился, но ему нужно было съездить в Хасавюрт,

он не хотел возить пистолет с собой и на один день отдал его Шамилю Сулайбанову.

В качестве доказательства в обвинительном заключении упоминается аудиозапись телефонного разговора Рабаданова с дядей, в котором он спрашивает, где находится «это»; Рабаданов на допросе подтвердил, речь шла именно о пистолете. Сам Сулайбанов настаивает, что уже не помнит того разговора — слишком много времени прошло: «Там за оружие даже слово нету, и я говорю следователю: "Вы чего? С чего вы вообще взяли что это оружие? Если он у меня дома оставлял, почему он ко мне звонит и спрашивает, эта вещь дома или нет? Он бы не спрашивал. Вы что меня тут грузите?"».

В итоге в обвинении использована довольно осторожная формулировка: Рабаданов по телефону сообщил Сулайбанову «предположительно» о встрече с покупателем пистолета и спросил о «местонахождении предположительно указанного огнестрельного оружия».

Согласно материалам дела, 15 мая 2019 года Сулайбанов и его племянник созванивались дважды, их разговоры длились 36 и 23 минуты.

«Целый полковник [обвинительное заключение составлял]. Я говорю: "На полиграфе меня и того работника, который у меня дома нашел [револьвер], проверь. Ты же знаешь, что это не мой пистолет. Вы же это все из-за того, что я сужусь, когда меня ударили ножом", — говорит Сулайбанов. — Я сказал: "Как я [владельца цеха] в тюрьму загоню, потом я вами займусь, всеми коррупционерами". Вот теперь они

думают: "Ва, надо его в тюрьму загнать, есть же". И вот пытаются, но мне разницы нету, в тюрьму сяду, там тоже буду писать. Они мне говорят, мол, успокойся, перестать писать за этот пистолет, и тебе ничего не будет, условный дадут якобы. И уже племянник говорит: "Ты зачем против системы идешь? Ты же не выиграешь". Я говорю: "Эй, конечно, если такие как ты, предатели, ложные показания дают". Но я говорю: все равно докажу, хотя прокуратура, следственный комитет и МВД против меня идут».

Низами Гаджикурбанова признали виновным по семи эпизодам незаконного сбыта оружия (статья 222 УК) еще в ноябре прошлого года. Кировский районный суд Махачкалы назначил ему три года лишения свободы условно. Рустама Рабаданова осудили 17 февраля. По словам Сулайбанова, племяннику дали полтора года колонии.

Дело самого экс-полицейского передали в Советский районный суд Махачкалы. Предварительное заседание назначено на 17 марта.

Редактор: Дмитрий Ткачев

1. 1 марта 2011 года милицию переименовали в полицию.
2. «Есть же» (или «же есть») — характерная для устной русской речи жителей Дагестана конструкция, не несущая никакой смысловой нагрузки, но придающая разговору эмоциональную выразительность.
3. Есть в распоряжении «Медиазоны».
4. Райцентр в полутора часах езды от Махачкалы.
5. Согласно материалам дела, в этой роли выступил сотрудник полиции. Позже, по версии следствия, Рабаданов и Гаджикурбанов продали тому же подставному покупателю автомат АКСУ.